

ЛЕДЯНОЙ АД

Часть первая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЗОН-ЛАФФИТЕ

ГЛАВА I

Разительный контраст. — Загадочное письмо. —
Шантаж. — Пятьдесят тысяч франков или смерть. —
Полицейский. — «Княгиня ожидает». — Неудавшаяся слежка. —
Дьявольская ловкость. — Лошадь без всадника. — Последняя угроза. —
Убитый человек. — «Красная звезда». — Самоубийство

Первые апрельские ласточки весело гоняются друг за другом с радостными криками, хаотично расчерчивая небесную лазурь, в которой купается чудесное весеннее солнце.

Раскрываются первые весенние почки, набухшие соками, появляются первые бутоны цветов, и в теплом воздухе разливается тонкий и нежный аромат новой весны...

Как хорошо жить на свете!

А еще лучше — жить здесь, в двух шагах от великолепного Сен-Жерменского леса, в одной из роскошных вилл, что стоят вдоль дороги, ведущей из Мезон-Лаффита к старинным королевским охотничьим угодьям.

Несколько парижан, истосковавшихся по дачной жизни, с радостью сбежали от суматохи большого города и счастливо наслаждались поэтическим пробуждением природы. Среди них была и семья Грандье, которая вот уже две недели как поселилась на вилле «Кармен».

На календаре было 25 апреля, часы показывали восемь утра.

Глава семьи, высокий красивый мужчина лет сорока пяти, без шляпы, с испариной на лбу и мертвенно-бледным лицом, нервно мерил шагами большой кабинет с видом на лужайки, рощицы и аллеи тщательно ухоженного английского сада.

На маленьком столике остывала чашка чая, к которой он даже не прикоснулся.

Мужчина тяжело вздыхал, бормотал что-то бессвязное, стискивал зубы и заламывал руки. Очевидно, он был страшно взволнован, и волнение это все возрастало.

В дверь негромко постучали.

— Войдите!

На пороге со словами «Ваша почта, месье!» появился слуга, держа поднос, на котором лежали газеты, письма и журналы.

— Хорошо, Жермен, спасибо.

Едва слуга вышел из комнаты, хозяин бросился к подносу и принялся лихорадочно рыться в ворохе корреспонденции, пока не обнаружил плотный квадратный конверт из грубой бумаги кремового цвета, на котором красовалась печать в виде красной пятиконечной звезды.

Мужчина сдавленно захрипел, побледнел еще сильнее, его руки задрожали. Охваченный ужасом, он пробормотал прерывающимся голосом:

— Красная звезда!.. Все, мне конец... это седьмое... последнее...

Он с трепетом вскрыл конверт и обнаружил письмо, тоже помеченное красной звездой. Он уставился на буквы вытаращенными от страха глазами, во власти той непобедимой силы, что толкает к пропасти человека, у которого закружилась голова.

После нескольких секунд мучительной тишины он, поминутно запинаясь, прерывистым голосом проговорил:

— Деньги!.. Они хотят денег, огромную сумму... А я разорен, одолжить негде. Вся эта роскошь только напоказ... Но они не желают верить, угрожают убить моих детей! Обожаемых детей, которых до сей поры отцовская любовь хранила от всех бед! И теперь они их убьют, зарежут обоих, если я не достану денег, сегодня последний срок... Я бы отдал свою жизнь по кусочку, всю кровь до последней капли... Но у меня нет денег, больше ни гроша... Сколько я ни пытался их раздобыть, это лишь уничтожило доверие ко мне, ускорило мое разорение... Вот так! Я был добр, честен, доверчив и теперь расплачиваюсь за это!

Из соседней комнаты послышался радостный шум: сквозь приоткрытое окно донеслись несколько фортепианных аккордов и веселое пение.

В саду раздавались трели малиновок, зябликов и соловьев. Бабочки порхали над первыми цветами, опьяняясь нектаром.

Царившее повсюду очарование представляло такой убийственный контраст с отчаянием мужчины, что он не смог сдерживать подступивших к горлу рыданий. Но через минуту, устыдившись собственной слабости и желая одолеть ее во что бы то ни стало, он глубоко вздохнул и сказал себе вполголоса:

— Надо с этим покончить.

И, не давая себе времени на раздумья, он порывисто нажал на кнопку электрического звонка.

Слуга явился мгновенно.

— Тот человек здесь? — спросил господин Грандье.

— Да, он ждет уже добрую четверть часа.

— Пригласите его немедленно!

В кабинет вошел молодой человек среднего роста, скромно одетый, с живым пытливым взглядом и смысленным лицом.

— Это вас прислали из префектуры полиции? — взволнованно спросил господин Грандье после короткого обмена приветствиями.

— Да, месье.

— Что же вы так долго? Если бы вы только знали! Я ждал вас, как смертельно больной ждет врача.

— Я был на задании и, как только получил депешу, немедленно поспешил к вам, даже не заехав домой.

— Вы спасете меня!

— Сделаю все, что в моих силах. Должен, однако, предупредить вас, что меня прикомандировали к вам неофициально... в порядке помощи версальской прокуратуре, поскольку здесь мы уже не на территории департамента Сены.

— Но сможете ли вы мне помочь?

— Вскоре вы увидите меня за работой. Кроме того, со мной двое товарищей на всякий случай. Но для начала не могли бы вы посвятить меня в обстоятельства дела?

— Прочтите это письмо, и вы узнаете все.

Агент взял письмо, понюхал его, осмотрел бумагу, изучил почерк и прочитал вполголоса:

Месье, я пишу вам в седьмой и в последний раз.

В седьмой и в последний раз я вам повторяю: вы богаты, а мне нужны деньги. Я приставляю к вашему виску это письмо,

как пистолет, и говорю вам: кошелек или жизнь! Пятьдесят тысяч франков — или я убью вас, но сначала прикончу одного за другим всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти пятьдесят тысяч франков, чтобы попытаться счастья в Клондайке, в знаменитых золотых краях, где люди действия становятся миллионерами за несколько недель.

И вы вручите мне их сегодня же.

Я дал вам неделю, чтобы собрать всю сумму, и этого, при вашем общественном положении, должно быть более чем достаточно.

Не стоит пытаться меня обмануть или ускользнуть от меня. Я принял все предосторожности, я знаю обо всем, что вы делали в течение этой недели поминутно, так что вы полностью в моей власти.

Мне известно, что вы дважды были в прокуратуре Версаля и один раз в префектуре полиции. Ваш дом охраняется днем и ночью, что, впрочем, верх глупости, когда имеешь дело с человеком моего полета.

Но хватит болтать! У вас должны быть пятьдесят тысяч франков, у вас они есть, так что сегодня вы передадите мне всю сумму.

Вы положите деньги в пакет и ровно в полдень будете у ворот, ведущих в лес. В указанное время в десяти шагах от въезда дорогу перейдет мужчина, одетый в коричневую ливрею. Вы скажете ему, что вы месье Грандье. Он ответит: «Княгиня ожидает». Вы передадите ему сверток — выкуп за себя и за вашу семью.

Возможно, вы прикажете задержать его. Это будет глупо, поскольку этот человек — не мой сообщник, он даже не понимает своей роли. Это просто подручный, убежденный в том, что доставляет политическую корреспонденцию.

Чтобы окончательно прояснить ситуацию, должен вас уведомить, что если вы посмеете предать меня, то сегодня же ночью поблизости произойдет убийство.

Я сделаю это лишь для того, чтобы показать вам, что пойду на все и что для меня убить человека — все равно что раздавить улитку.

Да, я убью этой ночью кого-нибудь из местных жителей. И чтоб вы знали, что это именно моих рук дело, у него будет

перерезано горло от уха до уха, а на левом виске я вырежу ножом мою эмблему — красную звезду.

Умному моих слов достаточно!

— Ну, что вы на это скажете? — произнес несчастный Грандье, тяжело дыша.

— Я бы сказал, что все сводится к простому шантажу, — важно ответил агент.

— Но все эти страшные угрозы... он повторяет их каждый день, вот уже целую неделю.

— Все эти красные звезды, бумага необычного формата, слишком сильные слова в письме, которые явно не вяжутся с его целью, — это чересчур. Шантаж и театральщина! Будьте уверены, месье, мое чутье подсказывает, что вы имеете дело с обычным мошенником, которого мы непременно схватим... Вот и все, что я могу вам сказать.

— Будьте осторожны! А если все же...

— Я за все отвечаю, никто никого не убьет, поскольку, посудите сами, кто ж убивает по заказу, крича об этом за двенадцать часов до дела?

— Что же мне делать?

— Доверьтесь мне, положите в конверт пятьдесят фальшивых купюр и отправляйтесь на свидание с человеком в ливрее ровно в полдень. Остальным займусь я.

Уверенность полицейского передалась Грандье, он словно заново родился.

Агент продолжил:

— Уже девять часов, я как раз успею переодеться и дам инструкции моим помощникам. Мы проследим за негодяями, они от нас не уйдут.

— Вы уж постарайтесь, ибо я доверяю вам свою жизнь.

— И вы совершенно правы, потому что мы втроем спасем вас, это так же верно, как то, что меня зовут Жерве.

С этими словами полицейский покинул комнату, явно уверенный в успехе.

В условленный час месье Грандье был у въезда в лес, тщетно пытаясь обнаружить агента. Но заметил лишь некоего господина верхом на лошади, который изучал или делал вид, что внимательно изучает карту леса.

Ему вдруг показалось, что всадник незаметно подмигнул ему, и тут месье Грандье скорее угадал, чем признал, в нем полицейского, совершенно неузнаваемого в этом новом, мастерски воплощенном обличе.

В нескольких метрах от него работяга-бочар в куртке и фартуке пил свой стаканчик у винного погребка, где остановился также служащий железной дороги с небольшим пакетом под мышкой, похожим на бандероль.

Все трое, впрочем, выглядели совершенно посторонними друг другу людьми.

С бьющимся сердцем Грандье услышал первый удар колокола, возвещающий полдень.

Он вошел в ворота, ведущие в лес, и увидел человека в ливрее, переходившего дорогу. Подойдя к нему с пакетом, выставленным напоказ, Грандье произнес, стараясь, чтобы его слова звучали твердо:

— Я месье Грандье.

— Прекрасно! Княгиня ожидает! — ответил тот.

Без лишних слов Грандье передал ему пакет и повернулся. Человек в ливрее вежливо поклонился, сунул пакет в карман и продолжил свой путь через лес.

Всадник с совершенно естественным видом сложил карту и очень ловко обогнал таинственного посланника. Известный способ, оригинальный, но очень надежный: если нужно проследить за кем-нибудь — лучше находиться впереди него.

Железнодорожник и бочар следовали за ним поодаль, изображая праздных гуляк, а на самом деле готовые броситься на незнакомца в любой момент.

Тот неспешно двигался вперед, с беспечным видом человека, уверенного в собственной совести и в завтрашнем дне. Таким образом он прошел около трехсот метров до места, где две дороги пересекались под прямым углом. На одной из них стоял лесник, держа под уздцы оседланную лошадь.

Человек в ливрее остановился, обменялся парой коротких фраз с лесником, взял у него поводья, затем вскочил в седло, прищпорил коня и помчался во весь опор.

Агент полиции Жерве инстинктивно разгадал этот дерзкий ход. Пока его помощники, железнодорожник и рабочий, обес-

кураженно застыли на месте, он мгновенно развернул лошадь и, послав ее в карьер, бросился в погоню.

Жерве прекрасно держался в седле, к тому же под ним была превосходная лошадь, и ему удалось сократить дистанцию и не дать злоумышленнику вырваться вперед. Во время скачки он говорил себе: «Этот мерзавец от меня не уйдет! Шелкопряд и Мотылек выследят лесника и узнают, что у него за душой... все будет хорошо».

Мотыльком и Шелкопрядом звали двух агентов, переодетых рабочим и железнодорожником. Действуя слаженно, они не отставали от сторожа, который выглядел, по их мнению, крайне подозрительно, и не спускали с него глаз.

Последний, ни разу не обернувшись, вышел на широкую тропу вдоль одной из изгородей, какими отделяют частные охотничьи владения. Агенты говорили себе, что он ни за что от них не скроется.

Через десять минут лесной сторож оказался перед небольшой железной дверью, из тех, что были устроены в сплошном палисаде то тут, то там. Он остановился, мгновенно вставил ключ в замок, отпер калитку, скользнул в проем, закрыл дверь и исчез в зарослях.

Все это заняло не больше десяти секунд. Изумленные агенты налетели на запертую дверь, о которой прежде даже не подозревали.

— Нас провели! — воскликнул бочар.

— Еще как! — вторил ему железнодорожник. — Ничего, Жерве своего не упустит.

— Проклятье! Слежка провалилась, теперь нам понадобится время, чтобы установить всех здешних сторожей и найти того, который только что выскользнул у нас из рук, словно рыба.

— Только вот я подозреваю, что он такой же лесник, как и я служащий Западной железной дороги.

— Я тоже! К счастью, у Жерве есть все, что надо, чтобы выследить и схватить этого проходимца.

— Но что нам теперь делать?

— На всякий случай пройдем вдоль изгороди до самого конца. Кто знает, куда это нас приведет?

Они прошагали так около получаса, пока наконец не вышли на лесную дорогу, тщательно ухоженную, но совершенно укромную.

— Нужно сориентироваться и понять, где мы, — сказал переодетый железнодорожником Мотылек, доставая из кармана карту леса.

Звук бешеного лошадиного галопа заставил их обоих вскинуть головы.

Прямо на них мчалась лошадь без всадника, с поводом, болтающимся вокруг шеи, стремями, бьющими по бокам, и грудью, покрытой пеной. Повинуясь инстинкту, они немедленно бросились к ней, перерезав ей путь, хватались за уздечку, за гриву, за хвост, волочились по земле, оглушенные, но не разжимая хватки. После, как только агенты пришли в себя, они не смогли сдержать крик боли и ярости — в этом обезумевшем животном, которое они только что остановили едва ли не ценой собственной жизни, они узнали того самого коня, что Жерве, их начальник, взял для себя в местной конюшне три часа назад.

Господин Грандье был отчасти успокоен хладнокровием полицейского, чей образ действий, впрочем, любому внушил бы полное доверие. Он неплохо провел время после полудня, позабыв о тревогах, мучивших его всю неделю, и обрел некоторую надежду.

Он рано отправился в постель и впервые за неделю заснул крепким сном.

В шесть часов утра его разбудил шум голосов. Его лакей разговаривал с садовником, который также исполнял обязанности консьержа и жил в домике у ограды виллы.

— Говорю вам, месье Жермен, это письмо очень срочное, его надобно немедленно передать хозяину, иначе не миновать беды, как сказал тот, кто его только что принес и чуть звонок мне не вырвал.

— Полно, Жермен, подайте его сюда, — произнес Грандье, предчувствуя страшное.

Его сердце пронзило холодом — он только что заметил красную звезду, запечатавшую крепкий конверт из кремовой бумаги.

Он лихорадочно сорвал печать и прочел несколько строк, плясавших у него перед глазами, словно в книге заклинаний:

Вы меня обманули. И раз уж вам нужен труп, чтобы принудить вас к покорности, я, как и обещал вам, убил человека сегодня ночью. Отправляйтесь на улицу Сен-Николя, там вы увидите мертвеца с моей отметиной на левом виске.

Завтра в полдень вы передадите мои пятьдесят тысяч франков, иначе следующим будет ваш сын. Теперь вы знаете, что я держу свое слово!

Размахивая руками как одержимый, Грандье бросился одеваться со всей поспешностью, не понимая, что делает.

Бедняга, убитый злодеем на улице Сен-Николя... но правда ли это? Может быть, это последняя угроза? Отчаянная пустая похвальба преступника?

Грандье должен знать наверняка. Его влечет неодолимая сила, он покидает виллу... бежит по дороге с обезумевшим видом, с пеной у рта, с покрасневшими глазами...

Вот и улица Сен-Николя... Здесь суетятся люди, взволнованные и потрясенные, шумят, судачат, ходят взад-вперед... Обе створки ворот распахнуты настежь... Какая-то растрепанная женщина испускает душераздирающие крики... Во дворе суматоха и отчаяние.

Жандарм появляется как раз в тот момент, когда Грандье, не совсем понимая, что он делает и говорит, входит в дом, прохрипев срывающимся голосом:

— Я должен увидеть... тело!

Толпа расступается, он заходит в комнату, где рыдают люди, которых он даже не замечает.

В постели, на простынях, пропитанных красным, распростерт труп мужчины с открытыми глазами, истекший кровью.

Страшная зияющая рана рассекла его горло от уха до уха.

Похолодев от ужаса, не в силах противостоять неведомой силе, Грандье склонился над мертвым, застывшим лицом. Левый висок исполосован ножом — шрамы образуют звезду с пятью лучами.

— Красная звезда... — заикаясь, пробормотал несчастный еле слышно. — Значит, я тоже умру...

Он вышел из комнаты, расталкивая встречающих, бегом вернулся на виллу «Кармен», запыхавшись, вошел в свой кабинет и запер дверь на двойной оборот ключа. Затем, без всяких размышлений и напрасных ожиданий, Грандье взял листок бумаги и написал на нем дрожащей рукой несколько строк:

Я совершенно разорен и лишен всякой надежды. Увы, я решительно не могу удовлетворить требования вымогателей, которые требуют денег, угрожая жизни моих близких. Я умираю и завещаю моим детям отомстить за меня.

III. Грандье

Перечитав написанное, он кивнул, открыл ящик стола, вынул из него револьвер, приставил дуло к виску и решительно, без малейших колебаний, спустил курок.

ГЛАВА II

Два друга. — Ученый и репортер. — Поль Редон и Леон Фортен. —
Как нынче убивают. — Кстати, о морских свинках. —
Чудесное открытие. — Тайна золота. — Новый металл. — Леону Фортену
во что бы то ни стало нужны пятьдесят тысяч франков,
чтобы стать королем золота. — Арест

— Смотрите, кто пришел! Редон! Дружище Поль Редон, дражайший и великолепнейший!

— Да, собственной персоной, мой дорогой Фортен!.. Но что я вижу? Все окна нараспашку!

— Не могу устоять перед апрельским солнцем — на улице так тепло.

— Тепло, но не жарко. Ты же знаешь, что я, как правило, всегда мерзну. Мои меха в июне уже прославились на весь Париж.

— Да я уж вижу — ты закутан, как эскимос.

— Прошу, ни слова больше, иначе я начну чихать лишь от одной мысли об этом... Вид графина со льдом вызывает у меня насморк, а если я читаю про Северный полюс, то могу отморозить руки!

— Садись же, если только найдешь куда.

— Да, в твоей лаборатории некоторый беспорядок.

— Спасибо на добром слове, стены моей хибары сейчас покраснеют от твоего комплимента. Лаборатория! Двенадцать квадратных футов физико-химико-физиологического бла-бла-барахла... Слишком много всякого хлама. И все же я здесь отлично развлекаюсь и отдыхаю от так называемой серьезной работы.

— Я только что узнал, что ты получил назначение лаборантом в Сорбонну. Рад за тебя!

— Ну да, я теперь мальчик на побегушках на курсе у папашки Метивье.

— Мои поздравления!

— Но для этого пришлось немало поднапрячься, а потом еще была жеребьевка. В конце концов, я выиграл, потому что моя фамилия Фортен, а это имя носит барометр.

— Ты всегда и над всем смеешься.

— Еще бы! По-другому никак... Смех — это единственное мое богатство. Спасибо еще, что благодаря отцу мне было где приклонить голову и чем прокормиться, пока я неспешно добирался до университетской должности.

— Я думал, твой отец — богатый садовод.

— Садовод салатов, моркови и репы... если что и цветет в его саду, так это огурцы. Папа — добрый старый огородник, я люблю его всем сердцем, он многим пожертвовал ради того, чтобы я шел по своей стезе. Его заслуга тем более велика, что он ни аза не смыслит в науке и делает это лишь из любви к своему малышу. Но скажи мне, каким ветром тебя занесло в наши уединенные и мирные сельские края?

— Ветром? Скажи лучше: смерчем, тайфуном, — ответил Редон, довольный удачной игрой слов. — Я приехал вести расследование для газет, на которые я работаю.

— Расследование? Но чего?

— Я расследую убийство, которое произошло сегодня ночью в паре сотен метров отсюда.

Поль Редон был журналистом, точнее сказать, репортером, но репортером высшего класса, работающим в английской или даже американской манере. Он обладал особым даром добывать информацию и сочетал в себе выдающуюся профессиональную ловкость с пронизательностью, на зависть любому полицейско-

му. Благодаря небольшому личному состоянию Редон сохранял независимость и работал только по собственному желанию и на кого ему хотелось, обеспечивая себе изрядный доход от продажи информации, за которую парижские газеты готовы были платить ему золотом.

Он был хорош собой, двадцати пяти или двадцати шести лет от роду, с темно-каштановой бородкой и волосами, смуглолицый, как креол, но голубоглазый, с острым, прозорливым и необыкновенно пытливом взглядом.

Искусный во всех телесных упражнениях, страстный спортсмен, ловкий, необыкновенно сильный, не робкого десятка, Поль между тем имел две оригинальные причуды. Он постоянно мерз, кутался в любое время года в шерсть и меха и был уверен в том, что страдает всеми хроническими болезнями, какие только можно вообразить.

По своему характеру это был человек прямой и честный до непреклонности. Притворяясь скептиком, он готов был смеяться над чем угодно, но был также способен увлечься великой идеей; циник снаружи, но с внезапными благородными порывами. Добавьте к этому несокрушимую энергию, которую едва ли можно заподозрить у человека, впадающего в ужас от сквозняков и всегда готового внимать любым рекламным объявлениям о новых чудодейственных средствах, в том числе и от несуществующих болезней.

Редон и Фортен познакомились еще в детстве в Сент-Барбе. Они были близкими друзьями во время учебы в знаменитом коллеже, и эта дружба сохранилась незапятнанной до зрелого возраста.

Леон Фортен был того же возраста, что и его приятель, но разительно отличался от него как морально, так и физически.

Это был высокий, крепкий молодой человек, с широкими плечами и грудью колесом, сплошными мускулами и силой атлета. Его красивый и энергичный профиль напоминал орлиные лица древних галлов, от которых он унаследовал большие глаза цвета морской волны, нос с горбинкой, алые губы и длинные рыжеватые усы со свисающими кончиками.

Сильный и смелый, как лев, спокойный до такой степени, что, даже если бы небо рухнуло на землю, он бы и бровью не по-

вел, Фортен был так мягок и покладист, что его обожали все, кто был с ним знаком.

Если судить по внешности, можно было подумать, что это эпический герой, искатель необычайных приключений. Но подобное предположение было бы в корне ошибочным.

Леон Фортен, сын, внук и правнук, и так далее, до бесконечности, словом — близкий и дальний потомок французских вояк, воплотивший в себе их тип, был молодым и замечательным ученым.

Да, именно замечательным, оригинальным и, может быть, даже гениальным, чьи открытия, известные лишь отчасти, уже наделали много шума.

Вся его жизнь была сосредоточена только на работе. Работа без громких слов и рассуждений — вот что владело всем его существованием и доставляло ему минуты безграничной и благородной радости.

Когда его друг, вот так, с порога, без предупреждения, объявил об убийстве, о котором он даже не подозревал, Фортен резко вскинул голову и ответил:

— Преступление? Здесь? Ну, это уже слишком...

— Скажи-ка лучше — невероятно. И даже поразительно! Я видел немало убийств за время моей карьеры репортера, по у всех, по крайней мере, был явный мотив, очевидная причина, что-то осязаемое...

— Тебе известно, кто жертва?

— Да, совершенно безобидный бедолага, небогатый, никаких врагов, убит по необъяснимой причине, можно даже сказать, из любви к искусству.

— Это странно, — прошептал Фортен задумчиво и печально. — Как мало значит сегодня человеческая жизнь. Люди готовы резать и убивать друг друга без всякого повода так же легко, как отпускают оплеухи... да, есть типы, для которых пролить кровь себе подобных проще простого, как для меня — препарировать моих бедных морских свинок.

— Так ты все еще мучишь этих несчастных зверьков?

— Увы, да! Я только что открыл новый анестетик, он должен полностью вытеснить хлороформ. Больше сейчас ничего тебе не

скажу. Но свинкам придется еще немного пострадать ради того, чтобы вскоре он мог облегчать страдания людей.

— Ну-ну, дружище-филантроп! А на этом столе что ты делаешь, скажи на милость? Вижу какие-то медные опилки.

— Медные? Да за кого ты меня принимаешь? Это чистое золото — все, что осталось от моей последней монеты в двадцать франков.

— Знаешь, я при деньгах. Если пятьдесят луидоров смогут осчастливить тебя...

— Пятьдесят луи? Это крохи... Пятьдесят тысяч франков, не меньше! Вот сколько мне нужно, и немедленно, ни сантимом меньше! О, если бы у меня было пятьдесят тысяч франков!

— И что бы ты сделал?

— Я мог бы применить на практике самое замечательное открытие нашего времени и за несколько месяцев стать королем золота!

— И зачем тебе это нужно?

— Ты глупец! Став богатым, я смогу жениться на мадемуазель Марте, а потом удовлетворять всем ее вкусам, всем капризам и фантазиям... Для начала купить замок...

— В Испании?

— Не имею ничего против Андалузии. Там жарко, и в нем найдется несколько комнат и для тебя. Потом я предложу мадемуазель Марте...

— Которая к тому времени уже станет мадам Фортен...

— Несомненно! Я предложу ей яхту водоизмещением в тысячу тонн, особняк на Елисейских Полях, шале в Трувиле, виллу в Ницце, собственный вагон-салон и много чего еще! Но у меня нет этих злосчастных пятидесяти тысяч франков, будь они пятьдесят тысяч раз прокляты, и это не дает мне покоя, сводит меня с ума, я на грани нервного срыва!

— Все так серьезно?

— Ну что ж! Посмотри сам и скажи мне, не должен ли первый попавшийся обладатель пятидесяти тысяч франков на коленях умолять меня принять эту жалкую, ничтожную сумму? Видишь этот металлический стержень?

— Похож на свинцовый.

- Это новый металл, который я только что открыл...
- Да неужели!
- Пока не придумал, как его назвать... Я обнаружил его, глубоко вдохновившись периодической таблицей великого русского химика Менделеева. Понимаешь меня?
- Едва ли!
- Ничего страшного! Объясню как-нибудь потом! А сейчас смотри!
- Ну и ну! Это просто чудо! Твой безымянный металл притягивает золото, как магнит — железо.
- Ну да... именно так: как магнит — железо. Он обладает, если можно так сказать, некоторым магнетизмом в отношении золота, очень интенсивным и невиданно чувствительным. Я провел множество экспериментов, и этот металл, мой металл, неизменно демонстрировал чрезвычайную тягу к золоту.
- Это и в самом деле чудесно!
- Даже больше, чем ты способен вообразить. Итак, я смешал в одну кучу железные, цинковые, серебряные, свинцовые, никелевые, платиновые и золотые опилки и приблизил к ним этот металл. И тотчас же произошла сортировка, мгновенный отбор... частицы золота, в отличие от всех прочих, прилипли к стержню из этого металла.
- В самом деле! Но как ты его назовешь?
- Пока я назвал его «икс», как Рентген свои знаменитые лучи.
- Значит, я буду его крестным отцом. И раз уж ты его создатель, я хочу дать ему твое имя. Мы назовем его «леон», постой-ка, нет... «Леониум», по-моему, подходящее название для металла.
- Великолечно, клянусь, спасибо тебе за это! Но поговорим серьезно. Ты можешь себе представить, какую выгоду сулит это необыкновенное свойство? Представим себе очень легкий стержень, простую иглу из моего металла...
- Да говори же: из леониума!
- Я еще не привык... Так вот, простая игла, очень подвижная, на алмазном основании, на свободном ходу, как стрелка компаса. Ты понимаешь, о чем я говорю?
- Продолжай!

— Так вот! Эта игла сможет реагировать на расстоянии нескольких десятков метров даже на незначительное количество золота. Она неизменно поворачивается к золоту, даже если перемещать его то вниз, то вверх или располагать за преградой, хотя бы и металлической.

— Это просто потрясающе!

— Поэтому я, с учетом всех обстоятельств, утверждаю, что владею секретом всех золотых залежей мира.

— С этим трудно поспорить.

— Взять, предположим, прииски Клондайк, расположенные, как тебе известно, на границе Аляски и Канады.

— Это там, где дьявольски холодно?

— Бывает, что столбик термометра опускается до сорока, сорока пяти и даже пятидесяти градусов ниже нуля.

— Да ты меня до пневмонии доведешь!

— Но там, под слоями вечной мерзлоты, спрятаны миллиарды! Это громадные, колоссальные, неисчерпаемые запасы золота всего мира! То, что шахтеры называют «Мать золота», целые пласты, запечатанные в скалах и ледниках и надежно охраняемые лютым холодом... Возможно, их никто никогда не найдет.

— Напротив! Леониум... золотой компас! Твой металл с его чувствительностью к золоту — о, это так просто и чудесно! Эта игла, способная на расстоянии определить огромные месторождения золота, приведет прямо к огромному карману, о котором мечтают все золотоискатели Аляски!

— Так и есть, старина! Как я вижу, слова «Аляска», «Юкон», «Клондайк» больше не вызывают у тебя приступа дрожи.

— Клянусь тебе! Эта старая ледышка, которая еще шевелится под моей меховой пелериной, начинает согреваться!

— Стало быть, ты веришь в мое открытие?

— Верю до такой степени, что просто пылаю!

— Теперь ты понимаешь, зачем мне нужны пятьдесят тысяч франков! Я должен возобновить масштабные опыты по производству и очистке леониума; получить нужное количество чистого металла и, как только это будет сделано, организовать, под большим секретом, экспедицию в Клондайк.

— Это уж само собой разумеется.

— Можешь ли ты поверить, что я не смог найти ни единого су займа, чтобы завершить мое открытие, которое представляется тебе таким ясным и очевидным? Ах, эта тупость... невообразимая тупость богатых буржуа! В Америке, где деньги не прячут по-идиотски, как у нас, и не трясутся над мелочной рентой в три процента, я бы уже имел сто тысяч долларов! Я обращался к разумным, образованным людям, которые даже не захотели меня выслушать! Ты бы видел, как их корежило, когда они слышали о пятидесяти тысячах франков!

— Да, наша французская бережливость держится обеими руками за свою старую кубышку!

— Совершенно отчаявшись, я обратился к богатому промышленнику, месье Грандье, который живет на вилле «Кармен». Я считал его образованным человеком, другом прогресса, восприимчивым к оригинальным и благородным идеям. Он рассеянно выслушал меня, а затем, когда я попросил у него пятьдесят тысяч франков, мои единственные цель и утешение, он попросту выставил меня за дверь, заявив, что я сумасшедший. Мне кажется, что я взбрыкнул. Мы немного повздорили, и я ушел, с большим запозданием вспомнив, что он имел все мыслимые права на уважение с моей стороны.

— О чем ты говоришь? Какие еще права?

— Это маленький секрет. Ты узнаешь обо всем в свое время.

— Ну что ж, пусть даже этот Грандье имел глупость тебе отказать, уверяю тебя, пятьдесят тысяч франков найдутся, и очень скоро, иначе я буду не я!

Разговор друзей был прерван тяжелой поступью грубых сапог и бряцаньем шпор.

— Это здесь! — произнес резкий голос перед дверью маленькой импровизированной лаборатории, которую Фортен устроил в углу сарая. — Он силен, как трое обычных мужчин, поэтому будьте готовы в любую минуту прийти на мой зов.

В дверь дважды постучали.

— Войдите! — удивленно ответил молодой ученый.

Дверь открылась, и на пороге появился жандармский унтер-офицер.

Не тратя времени на приветствия, он подошел к Леону с суровым видом и спросил:

Буссенар Л.

Б 92 Ледяной ад ; Капитан Сорви-голова : романы / Луи Буссенар ; пер. с фр. А. Луцанова, К. Полевого. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с. : ил. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-19801-2

Французский писатель Луи Буссенар — автор многочисленных приключенческих романов, переведенных на два десятка языков мира и не уступающих лучшим произведениям Жюль Верна. Их отличительные черты: богатство фантазии, чувство юмора, романтика далеких странствий и обширный научный материал.

В настоящее издание вошли два знаменитых романа о похождениях юного француза Жана Грандьё и его верных друзей в Северной Америке в эпоху «золотой лихорадки» и в Южной Африке в период Англо-бурской войны. Невероятные приключения сочетаются здесь с историческими фактами, увлекательный сюжет — с правдоподобной картиной экзотических стран, будь то занесенный снегом Клондайк или раскаленная под солнцем Республика Трансвааль.

Для настоящего издания роман «Ледяной ад» был переведен заново, а перевод романа «Капитан Сорви-голова» сверен с подлинником и отредактирован с восстановлением пропущенных ранее фрагментов. Книга сопровождается обширным комментарием. Также в томе воспроизведен комплект классических гравюр французских художников Шарля Клериса и Мариуса Льеже, дополненный цветными иллюстрациями из французских газет рубежа XIX и XX веков.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЛЮИ БУССЕНАР

ЛЕДЯНОЙ АД КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА

Ответственный редактор Кирилл Красник

Редактор Елена Трепетова

Художественный редактор Егор Саламашенко

Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова

Технический редактор Валентина Дик

Корректоры Дмитрий Капитонов, Валерий Камендо

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.04.2022. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 56,76 (вкл. вклейку).
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

У-ВНК-28578-01-R